

О любви. Вместо заключения

Дмитрий Беспалов постоянно писал о любви: это слово на страницах его дневника повторяется более семидесяти раз. Дмитрий Иванович Лукичѐв использовал слово *любовь* редко. Любовь у Беспалова — горячая и пылкая, старая и новая, «перешагивающая остальные мысли и чувства». Она должна сопровождаться ревностью, поскольку ревность — «хорошее лекарство». Любовью он именуется эротические отношения между парнем и девушкой. Об иной любви, судя по дневнику, автор не знает, она — вне поля его зрения. Каким-то волшебным образом, цитируя пушкинское «...чудное мгновенье», он не различает, не слышит метафизического плана этого текста. В любви Беспалова нет места *ни божеству, ни вдохновенью*: «я... дал понять, что завязывающаяся между нами взаимная связь обязательно превратится в любовь, редкую по силе и совершенству.

Так, темной апрельской ночью на развилке дорог между Мытчиковой и Ушаковой закончилось первое свидание с новой, двадцать пятой по счету, знакомой — Трофимовой Парасковьей Павловной».

Но читая его дневник, мы можем видеть, что «божество и вдохновенье» касаются его. Со свойственным ему писательским талантом, Беспалов регистрирует тонкое движение того жизненного вещества, которое не кантуется в словесные категории, которыми он привык пользоваться. Он описывает свой сон: «... Иду я один. Дорога, вившаяся между небольшими кустами, показалась мне чужой и незнакомой. Кругом тишина, только где-то, вдали, кукует кукушка. Навстречу мне попадают незнакомые

люди, и каждый несет в руках букет цветов. Я смотрю в лица прохожих и вдруг узнаю... Таню! Она тоже несет букет желтых цветов. Взгляды наши встретились. Я ей ничего не сказал, а она, слегка улыбнувшись, подает мне букет. На, говорит, это все то, чего добивался ты от меня. Я хотел возражать, но... ее уже не было. Я закричал: Таня! Вернись!

И тут проснулся. Было уже утро. Мать затопляла печку».

Те чувства, которые он переживает вне слов, вне любовной риторики дневника, открываются в архетипических образах его сна.

Дмитрий Иванович Лукичев использует слово *любовь* в совершенно других контекстах. «Бог есть любовь», — пишет он: «человек, усовершенствуясь, должен приближаться к идеалу Бога, идеалу любви, делающий и творящий добрых дела разумно служит Богу, любви».

Любовь для Лукичева определяет качество отношения между людьми. «Доверие порождает доверие, а любовь порождает любовь», — замечает он. В отношении между полами, в отношении супружества он это слово не использует, обходясь в формулировках своих супружеских установок цитатами из пророков о добрых и злых женах.

Авторы дневников, проживая на одной территории, пользуясь, казалось бы, одним и тем же русским языком, принадлежат к одному социальному классу, не совпадают в том, чем для каждого определена ценность человеческой жизни. Они оба стремятся к любви, но за этим словом у Лукичева и Беспалова стоят совершенно разные жизненные программы. Любовь для Дмитрия Ивановича заключается в деятельном добре не только к человеку, но и ко всякой Божьей твари: «Блажен иже и скоты милует. Не мучь мухи и ей больно». Здесь речи нет о взаимности, это — речь дающего любовь. Принять можно только любовь Бога: «куда свой взор не обращаю...»

Для меня его исполненное деятельной любви отношение к миру стало различимым по двум эпизодам дневника. И тот и другой эпизод были упомянуты и прокомментированы дочерью Анной Дмитриевной, когда она рассказывала о жизни их семьи в 1920-е годы. Один эпизод совсем незначительный: в скудном на товары и продовольствие, голодном 1922 году Дмитрий Иванович осуществляет действие совершенно непрактичное. Он купил для детей цветные карандаши и предоставил свою па-

мятную книжку дочке Ане — ей тогда было 12 лет — для того, чтобы она могла этими карандашами порисовать (действие, обнаруживающее его доверие и открытость: он дает дочке свой дневник). Этот жест, как мне представляется, очень значим. В нем явлено признание эстетической потребности как насущной, не менее насущной, чем потребность в пище! Вокруг ее цветочков отцовские записи: «научись любить людей. Научись любить справедливость. Люби ближняго, как самого себя».

Второй эпизод связан с событиями первого брака старшей дочери Марии. Дочь отказалась идти за посватавшего ее жениха из уважаемой в Вашках семьи. Она сделала это, когда в доме Лукичёвых уже собрались сваты, священник и все были готовы к общему молебну. Молебен по традиции совершался в момент помолвки, или, как это называлось в Белозерье — сговора. Очевидно, что подобный отказ был публичным скандалом, наносившим урон чести семьи и в первую очередь ее главы, пригласившего священника для совершения молебна. Но Д. И. Лукичёв принимает решение дочери, лишь констатируя и никак не комментируя эти события в дневнике. Мария выходит замуж за «того, с кем гуляла» (по определению Анны Дмитриевны). Настороженность к этому человеку Лукичёв проявляет особым вниманием к настроению дочери, оставшейся в доме мужа: «Сегодня вернулись со свадьбы, Мария осталась веселая и спокойная, что все остались довольны и успокоились несколько на счет ея судьбы». Дочь пошла против его воли, она выбрала в мужа человека, который не нравился родителям, брак Марии вскоре распался. Лукичёв никак не обнаруживает в этой ситуации свое отцовское патриархальное право решать судьбу дочери, а это право в деревне 1920-х годов было вполне действенным, он дает ей возможность принимать, пусть неправильные, но собственные решения. И нигде не торжествует свою правоту, лишь тревожится за душевное состояние дочери.

Программа любви Лукичёва определена следованием евангельскому правилу: научиться любить ближнего, как самого себя. Но все-таки он чает взаимности и понимания: он не ждет этого от женщины («не отдавай жене души своей», — цитирует он пророков), но предполагает возможность духовной близости между мужчинами.

Программа любви Беспалова определена потребностью в стяжании любви к себе. Но добившись признания и секса, ко-

торый он полагает физическим подтверждением того, что его любят, он не становится счастливее.

Лукичѳв проверяет самого себя на соответствие божественному идеалу любви: достаточно ли он любит. Беспалов испытывает женщин на крепость и верность их любви к нему: крепко ли любят его.

Так по-разному понимаемая любовь — это не только индивидуальные жизненные программы двух конкретных людей. И это представляется мне очень важным для того, чтобы разобраться в том вопросе, о котором я писала в начале книги: какие сценарии мы наследуем от наших родителей? Каждый из авторов дневников, несомненно, выбирал, как жить, чувствовать и думать, самостоятельно. Но выбирал из предоставленного ему той реальностью, в которой он жил: школа, семья, обычаи, общее мнение и язык с детства и в течение жизни обуславливают понимание, чувства, поведение и отношения человека.²³⁶ Мишель Фуко, анализируя подобные обусловленности, ввел в научный оборот понятие дискурса, переместив внимание с языка как системы на язык как принятый в то или иное время способ думать, понимать, действовать и говорить. Любая эпоха (или дискурсивная формация, следуя определению Фуко) говорит то, что может сказать: выговариваемое и различаемое зависит от порядка, который обеспечивается единством практик видения и практик говорения. «Порядок, — писал Фуко, — это то, что задается в вещах как их внутренний закон, как скрытая сеть, согласно которой они соотносятся друг с другом, и одновременно то, что существует, лишь проходя сквозь призму взгляда, внимания, языка; в своей глубине порядок обнаруживается лишь в пустых клетках этой решетки, ожидая в тишине момента, когда он будет сформулирован. основополагающие коды любовью культуры, управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обмeнами, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями, иерархией ее практик, сразу же определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых будет ориентироваться. На противоположном конце мышления научные теории или философские интерпретации объясняют общие причины возникновения любого порядка, всеобщий закон, которому он подчиняется, принципы, выражающие его, а также основания, согласно которым установился именно данный порядок, а не какой-нибудь другой».²³⁷

²³⁶ Хальбвакс М. Социальные классы и морфология / пер. с фр. А. Т. Бикбова, Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2000. С. 155.

²³⁷ Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. С. 22.

Наши авторы, несомненно, принадлежали разным дискурсивным формациям: их порядки видения и говорения почти не совпадают. Например, Лукичёв называет *святым* земледельческий труд и догматы веры, а Беспалов — долг девушки хранить девственность для любимого. *Благородность души* по Лукичёву проявляется в уважении собственного *достоинства*. А достоинство — в том, чтобы всегда действовать *честно* и *справедливо*, соответственно своим убеждениям, а не из чувства страха. В речи Беспалова *достоинство* относится только к девушкам, и только в одном, уже обсуждавшемся выше отношении.

В своей речи Лукичёв и Беспалов следуют порядкам той дискурсивной формации, адептами которой они являются. Вряд ли Лукичёв читал энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, но его жизненные установки сходны с тем порядком понимания, который можно обнаружить во взглядах на любовь конца XIX столетия. В словарной статье словаря Брокгауза и Эфрона, которая была написана философом Владимиром Соловьёвым, читаем: «любовь — влечение одушевленного существа к другому для соединения с ним и взаимного восполнения жизни. Из обоюдности отношений можно логически вывести тройки вид Л.: 1) Л., которая более дает, нежели получает, или *нисходящая* Л. (*amor descendens*), 2) Л., которая более получает, нежели дает, или *восходящая* Л. (*amor ascendens*) и 3) Л., в которой то и другое *уравновешено* (*amor aequalis*). Этому соответствуют три главные вида Л., встречаемые в действительном опыте, а именно: Л. родительская, Л. детей к родителям и Л. половая (или супружеская). Все три вида имеют свои начатки уже в царстве животном. Первый вид представляется здесь преимущественно Л. материнской (в силу непосредственной физической связи самки с детенышами), но у высших животных и самец начинает принимать участие в заботах о новом поколении. Второй вид Л. иногда и у животных отрешается от родовой связи и принимает характер как бы религиозный: такова привязанность некоторых мелких животных к более крупным, дающим им покровительство, особенно же преданность домашних животных человеку. В половой Л. у *низших* животных особь имеет значение только как орудие для увековечения рода, причем естественно самка первенствует; взаимность является здесь только на мгновение, и затем самец устраняется за ненадобностью (напр. пауки, пче-

лы). У высших животных (особенно у птиц и некоторых млекопитающих) наблюдается более устойчивая половая связь соответственно возрастающему участию самца в семейных заботах. В мире человеческом мы находим те же три главных вида Л., но с новым, постоянно углубляющимся и расширяющимся значением. Сыновняя привязанность, распространяемая на умерших предков, а затем и на более общие и отдаленные причины бытия (до всемирного провидения, единого Отца небесного), является корнем всего религиозного развития человечества. Родительская Л., или попечение старших о младших, защита слабых сильными, перерастая родовой быт, создает отечество и постепенно организуется в быт национально-государственный. Наконец, половая Л., неизменно оставаясь наисильнейшим выражением личного самоутверждения и самоотрицания, вместе с тем все более и более понимается как совершенная полнота жизненной взаимности и через это становится высшим символом идеального отношения между личным началом и общественным целым. Уже в пророческих книгах Ветхого Завета отношение между Богом и избранной народностью изображается преимущественно как союз супружеский (и отступление народа от своего Бога — не иначе, как блуд). В Новом Завете эта идея переносится на Христа и Церковь, и завершение истории изображается как брак “Агнца” с Его невестой — просветленной и торжествующей церковью “Нового Иерусалима”, соответственно чему и земные представители Христа, епископы, ставятся в такое же отношение к местным общинам (отсюда выражение: *вдовствующая церковь*). Таким образом, идеальное начало общественных отношений, по христианству, есть не власть, а любовь».²³⁸

Любовь может быть актом дара (родительская, нисходящая) и актом благодарности (сыновняя, восходящая). Основная, по определению Соловьева, на самоутверждении и самоотрицании, любовь взаимная, которая связывает мужчину и женщину так же, как она, по определению философа, связывает Бога и людей, не дается опыту Лукичёва. Он беспокоится о здоровье своей жены и ее душевном самочувствии, но она явно не собеседник ему, иначе не было бы ссылок на Мопассана и притчи Соломона: «не отдавай женщине сил своих».

Для Беспалова любовь на уровне поведения однозначно связана с его сексуальной потребностью, которую, тем не

²³⁸ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб.: Брокгауз — Ефрон, 1890—1907. Т. 18. С. 216—218.

мене, он никогда прямо не высказывает. Если женщина отказывает ему в удовлетворении, он говорит об этом на языке «высоких отношений»: верности, чести, долга. Но если женщина соглашается его удовлетворить, он обсуждает это событие посредством той же риторики: в этом случае осуждая женщину за безнравственность. В отношении собственной сексуальности он пользуется языком, полученным на уроках в школе, языком классиков, он выбирает именно такой путь, хотя деревенская речевая культура, носителем которой он в полной мере является, вполне обеспечивает возможность говорить о сексуальности прямо. Он часто пользуется частушечной речью, но только не в случае обсуждения отношений с девушками. Тут он действует «культурно»: следует дискурсивной практике доминирующей формации.

Эта дискурсивная практика — принятый в СССР способ говорить о межполовых отношениях — сложилась в 30-е годы XX века,²³⁹ когда из публичной и обыденной речи масс исчезли и «крылатый эрос» любви-товарищества, провозглашенный А. Коллонтай, и евангельская любовь-агапэ, и любовь к вечной женственности символистов.

В энциклопедиях сталинских лет нет статей о любви, вопросы половой любви обсуждаются в контексте запрета на аборт, необходимости производства «богатырей» для Родины и пр.²⁴⁰ В 3-м издании Большой Советской Энциклопедии, которое выходит в конце 1960-х — начале 1970-х годов такая статья появляется.²⁴¹ В соответствии с ней, любовь — это «интимное и глубокое чувство, устремлённость на другую личность, человеческую общность или идею. Л. необходимо включает в себя порыв и волю к постоянству, оформляющиеся в этическом требовании верности. Л. возникает как самое свободное и постольку “непредсказуемое” выражение глубин личности; её нельзя принудительно ни вызвать, ни преодолеть. Важность и сложность явления Л. определяются тем, что в нём, как в фокусе, пересекались противоположности биологического и духовного, личного и социального, интимного и общезначимого. С одной стороны, половая или родительская Л. включает в себя здоровые биологические инстинкты, общие у человека с животными, и немислима без них. С другой стороны, Л. к идее может представлять собой интеллектуальный восторг, возможный только на определённых уровнях культуры. Но как ни различны между

²³⁹ См.: СССР — территория любви: Сб. ст. М.: Новое издательство, 2008.

²⁴⁰ См.: Юшкова В. А. Советская женщина — счастливая мать (Памятка матери). М.: Мособлполиграфия, 1937.

²⁴¹ Примечательно, что в 1968 г. Верховный Совет СССР утвердил Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье.

собой по своему психологическому материалу Л., которой мать любит своего новорождённого младенца, Л., которой влюблённый любит свою возлюбленную, и Л., которой гражданин любит свою родину, всё это есть Л., отличающаяся от всего, что только “похоже” на неё — от эгоистического “влечения”, или “предпочтения”, или “интереса”».

В качестве дискурсивной нормы в этой словарной статье постулируются материнская любовь, любовь между полами и любовь гражданина к родине. Мое поколение россиян — адепты именно такой риторики любви: любить можно маму (этому научили нас на занятиях в детском саду), Родину,²⁴² и лишь после этого — мужчину или женщину.

Расхождение жизненных программ возмужавшего и сложившегося как личность к началу XX века Лукичёва и воспитанного советской школой 1930-х годов Беспалова обнаруживает тот разрыв, который развалил российскую национальную идентичность. За употреблением тех же слов расположено принципиально иное их понимание. Я думаю, что мы, как и наши родители, скорее живем жизненными программами Беспалова, нежели программами Лукичёва.

Но при всем этом приведенные выше автобиографические тексты позволяют различить в них нечто, что их объединяет. Я хочу подчеркнуть, что обе жизненные программы, и Лукичёва, и Беспалова, сохраняют определенный рисунок мужской субъективности, который устойчив к транс-формациям дискурса. Это — жизнь «я», с невероятным трудом открывающегося в отношении к «ты» другого, каждого: человека и Бога, мужчины и женщины.

Вместо того, чтобы жениться, мудрецы доживали до старости, найдя себе хороших друзей, поскольку духовное общение может существовать только между мужчинами, — отмечает Лукичёв в 1923 году, ссылаясь на Мопассана. В коротком рассказе «Одиночество», вероятнее всего и имевшемся в виду, речь идет о прогулке по Елисейским полям двух друзей после сытного обеда. Наблюдая влюбленных, сидящих в обнимку на скамейках парка, друг повествователя заводит разговор об одиночестве:

«С некоторого времени я испытываю невыносимую пытку: я понял, я постиг мое страшное одиночество, и знаю, что ничто, — понимаешь ли? — ничто в мире не в силах прекратить

²⁴²См.: Сандомирская И. И. Книга о родине. Опыт анализа дискурсивных практик. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 2001.

его. Все наши попытки, старания, порывы сердца, все призывы наших уст, все наши объятия тщетны, — мы всегда одиноки. Я увлек тебя сюда, на эту прогулку, чтобы не идти домой, — меня теперь невыносимо мучает одиночество моей кваритры. Но и это ни к чему. Я говорю, ты меня слушаешь, мы идем вдвоем, рядом, вместе, но каждый из нас один. Понимаешь ты меня? “Блаженны нищие духом”, говорит писание. Эти не утратили призрака счастья. Они не ведают нашего горя одиночества, они не бредут по жизненному пути, как я, соприкасаясь с людьми только локтями, без иной радости, кроме эгоистического удовлетворения тем, что понимаешь, видишь, угадываешь и без конца страдаешь от осознания своего вечного одиночества.

<...> Женщины в особенности заставляют меня сильнее чувствовать мое одиночество.

О, горе мне, горе! Как я страдал от них; они чаще мужчин вызывали во мне ложную надежду на то, что я не одинок.

Когда вступаешь в любовь, кажется, что расширяешься, тебя охватывает нечеловеческое блаженство. Знаешь ли отчего? Знаешь ли, откуда это ощущение огромного счастья? Единственно от того, что воображаешь себя уже не одиноким. Одиночество, отчуждение человеческого существа, по-видимому, кончилось! Какое жалкое заблуждение!».²⁴³

А. А. Ухтомский на три года позже, чем Лукичѳв, в 1927 году, ссылается в одном из писем на ту же самую тему у Мопассана, на тот же рассказ, но для него герой этого рассказа служит примером «человека из подполья», господина Лебядкина, человека, одержимого собою или, как определял это ученый, — собственным двойником.²⁴⁴ Под двойником, заимствуя образ у Достоевского, Ухтомский понимал определенный способ действия: «мы принимаем решения и действуем на основании того, как представляем действительное положение вещей, но действительное положение вещей представляется нам на основании того, как мы действуем!»; «Человек видит в мире и в людях predeterminedенное своею деятельностью, то есть так или иначе самого себя».²⁴⁵ Проецирование себя на мир Ухтомский и называл эффектом двойника: «человек ведь ищет более всего «ты», своего alter ego, а ему вместо этого подвертывается все свое же «я», «я», «я» — все не удается выскочить из заколдованного круга со своим собственным Двойником к подлинному «ты», к Собеседнику...».²⁴⁶

²⁴³ Мопассан Ги де Одиночество // Одиночество и другие рассказы / [Соч.] Ги де Мопассана ; Пер. с фр. Л. П. Никифорова. М.: Посредник, 1899. С. 4—5, 6—7.

²⁴⁴ Ухтомский А. А. Письма к Е. И. Бронштейн-Шур // Ухтомский А. А. Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб.: Петербургский писатель. 1996. С. 251.

²⁴⁵ Там же. С. 248, 250.

²⁴⁶ Там же. С. 256.

Возможность встретиться с alter ego, с «ты» в мужской жизненной программе Беспалова ограничена тем, что на время ведения дневника, в свои 20 лет, он еще не переместил свое внимание, свой жизненный фокус на что-либо вне и помимо себя. Мы не знаем, что случилось с ним позже.

Возможность встретиться с «ты» для Лукичёва реализовалась. Но это — «ты» Отца Небесного. Принимая любовь Творца, он отдает ее тем, кто от него зависит. Вертикаль любви, перемещающая вниз — попечение, вверх — благодарность, в этом случае работает. Но он одинок, ибо лишен любви лицом к лицу, дающей и принимающей, признающей равенство другого.

Вопрос о том, какой любовный проект мы будем исполнять здесь и сейчас, мужчины и женщины в этой стране, в этой культуре и в этом языке, следует оставить открытым, но сама его постановка возможна лишь в том случае, если ты готов взять на себя риск и ответственность говорить от первого лица, единственного числа и присущего тебе рода.